

личных субъектов, систем, объектов, на форму динамическую, становящуюся и меняющуюся. Такая форма естественно оказывается элементом социальных связей, обеспечивает воспроизводимость социального пространства, но заведомо не совпадает с мерками других систем бытия, "втягиваемых" человеком в его деятельность. Стало быть, с точки зрения такой формы, многомерность "другого", "глубина" объективности, процессуальная полифоничность деятельности людей остаются вопросом открытым. Вместе с тем, и сама форма остается открытой для изменений, фиксирующих процессы, связи, взаимодействия, "не вписывающиеся" в уже установленные меры. Поскольку необходимость учета подобных процессов становится актуальной уже на бытовом уровне (скажем в связи с использованием разнообразных технических средств и измерительной аппаратуры) постклассическая философия сталкивается с проблемой своеобразного синтеза метафизических реконструкций и повседневного опыта людей.

С.А.Азаренко
г. Екатеринбург

КЛАССИЧЕСКОЕ И НЕКЛАССИЧЕСКОЕ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Представление о классическом формировалось в эпоху Нового времени. Согласно новоевропейскому взгляду, мир представляет собой предустановленный порядок, а знание о нем сводилось к совокупности образов: Под "образом" понимался продукт активного "схватывания" мира. Обратим внимание на этимологию слова "образ", оно происходит от глагола "обрезать" (М.Фасмер). Новое время создало представление о субъекте как активно "обрезающем" в познании фрагменты мира. Но "образ" можно понимать и как "обрез" или "скол" самого мира. Именно так его и понимали древние греки, используя для этого понятие "эйдоса" (или "идея"), что значит "вид", причем "вид" самого бытия, из которого происходит тот или иной фрагмент сущего. М.Хайдеггер подчеркивал, что, истолковывая бытие как "эйдос" или "идею", Платон придавал бытию характер пред-существования, которое само в себе есть происхождение. Соответственно этому истолковывалось в античности и место человека в мире, выраженное в известном тезисе Протагора: "Человек есть мера всех вещей, сущих – что они существуют, не сущих – что они не существуют" То обстоятельство, что в данном тезисе человек представлен в качестве "меры" для сущего, может склонять к субъективистскому пониманию человека как той точки, откуда только и может быть отмерен или измерен мир. Однако "меру", как мы полагаем, можно истолковать и как "число", что и делает Аристотель, когда определяет время как меру или число движения. Число для грека со времен Пифагора – это размеры и соотношение частей сущего, которые определяют строение той или иной вещи. Человек сам есть соотношение или пропорция этого мира. Он не то, что определяет сущее, а то, через что оно определяется и выявляется. Человек, согласно грекам, есть соразмерность и ограниченность бытия. Это не

нововременной субъект, который противостоит миру и предустанавливает его. Латинское слово "субъект" есть перевод греческого "υποκειμενον", что значит "под-лежащий" или "лежащий-в-основе". В духе Хайдеггера можно сказать, что это "под-лежащее" требует своего сказуемого в лице человека, который неотделим от него, и который призван указывать на него, вершить сказ о нем. Это обстояние вещей дублируется языком, в котором мы и находим подлежащее и сказуемое, забывая о том, что здесь имеет место не просто лингвистическая конструкция, а действительное положение вещей. Картезианский подход к субъекту отличен от греческого видения человека. В картезианском субъекте находит оправдание практический человек Нового времени, находящий основу в себе. П.Флоренский подчеркивал, что новоевропейское *cogito* или *cogitare* необходимо мыслится в смысле *per-cipere* – цеплять, схватывать, овладевать вещью способом представления. *Cogito sum* – это именно "положение", а не мысль или смысл, оно есть выставление и установление существа бытия и существа истины. Субъект Декарта характерен, таким образом, не наличием самосознания, и он не ограничивается рубрикой рационализма, он то, в чем совершается предустановленность сущего. Такое рассмотрение человека ставило его над миром в качестве властелина. Современность обнаружила всю несостоятельность данных притязаний. Мы подошли к концу классического способа осмысления мира. Культура, существовавшая как производство и трансляция идеальных образцов (образованию) видения мира и человеческого поведения, подступилась к феномену, названному Лиотаром "недостатком реальности". Мир стал мыслится как создаваемая человеком реальность, как материальное и духовное производство. Разделение труда приводило к расщеплению как субъекта производящего, так его продукта.

В современности в движение была приведена логика "под-резания" или ускользания самой реальности, которая перестала быть предствима. Собственно, философия всегда подступалась к области непредставимого, лежащего-в-основе, демонстрируя свою преверженность современной мысли (философия перестает быть таковой, если она не современна).

Обращение к повседневности показало, что следование образцам, нормам и схемам поведения происходит в исключительных случаях. Расположенность к следования букве закона было объяснено "юридизмом". Рассмотрение законов самих по себе в отрыве от реального поведения людей не учитывало, что не при всех условиях закон может действовать. Не учитывалось также и существование других порождающих принципов практики, особенно в мало кодифицированных обществах, подчиняющихся по преимуществу принципам "игры". Для понимания их практики П.Бурдьё потребовалось реконструировать капитал информационных схем, который дает им возможность порождать осмысленные и упорядоченные идеи и практики без намеренного стремления и без сознательного подчинения правилам. Это могут быть: поговорки, эксплицитные принципы в отношении распорядка дня, кодифицированные предпочтения в сфере брака, обычаи и др. Более того, наиболее кодифицированные положения имеют в своей первооснове не объекти-

вированные и, следовательно, некодифицированные принципы, но практические схемы. Вместе с тем в практической логике в достаточной степени силен элемент неопределенности, недетерминированности в открытости, что делает невозможным полностью положиться на практические схемы и предрасположенности в критических и опасных ситуациях.

Современность превращает носителя культуры в мима. Мим живет мим-есисом (Деррида), подражанием, живым каскадом отражаемых событий (ролей, ситуаций, культур и т.п.). Отражать значит также и защищаться от удара, от дара традиций и культур, которые могут подавить своим содержанием. Для этого мим прибегает к травестированию и иронии. Мим не знает того, что делает, потому что срастается с тем, то делает.

По Ж.Делезу, взаимодействия происходят на уровне событий и вне принудительной каузальности. При этом имеет место скорее сцепление непричинных соответствий, образующих систему отголосков, повторений и резонансов, систему знаков. События – это не понятия, и приписываемая им противоречивость (присущая понятиям) есть результат их несовместимости. События первичны по отношению к предикатам. Схождение и расхождение серий событий – всецело изначальные отношения, покрывающие изобильную область алогичных совместимостей и несовместимостей. Две вещи или два определения могут утверждаться благодаря их различию. Здесь имеет место некая позитивная дистанция между различными элементами, которая связывает их вместе как раз в силу различия (как различия с врагом не отрицают меня, а утверждают, позволяя быть собранным и жизнеспособным перед ним). Тогда несовозможность – это средство коммуникации. В этом случае дизъюнкция не превращается в простую конъюнкцию. Возможны три различных этапа синтеза: коннективный синтез (если..., то), сопровождающий построение единичной серии событий, конъюнктивный синтез (и) – способ построения сходящихся серий событий, и дизъюнктивный синтез (или), распределяющий расходящиеся серии событий. Дизъюнкция действительно бывает синтезом тогда, когда расхождение и децентрирование, задаваемые дизъюнкцией, становятся объектами утверждения как такового. Вместо исключения некоторых предиктов вещи ради тождества ее понятия, каждая вещь раскрывается навстречу бесконечным предиктам, через которые она проходит, утрачивая свой центр – т.е. свою самотождественность, в качестве понятия или Я. На смену исключению предиктов, располагающему в классической логике, приходит взаимодействие событий.

Т.Х.Керимов
г. Екатеринбург

МЕТАФИЗИКА И СТАНОВЛЕНИЕ

Очевидно, что именно М.Хайдеггеру, М.Фуко и Ж.Даррида удалось обеспечить основные условия теоретического ухода для радикального пересмотра метафизики новоевропейской субъективности воли к власти техник формирования и исполнения желания. Но что значит преодоление метафизики? Значит ли оно простое выхождение за пределы